

ГЕНЕЗИС ЭКСПЕРТНЫХ СРЕД

*“Между сознанием и реальностью
поистине зияет пропасть смысла.”*

Эдмунд Гуссерль

Глобализация создала новые, сетевые, условия для роста эффективности экспертной деятельности в интересах роста качества управленческих решений, управления интеллектуальной собственностью, продукции и услуг. Вместе с тем, чем больше растет экспертная востребованность, тем больше современная практика нуждается в изучении закономерностей и истоков экспертной мудрости. Подлежат углубленному рассмотрению гносеологические и рефлексивные аспекты, требуются принципиально новые инструменты поддержки сетевой экспертизы. Узловым точкам на пути становления экспертизы с древних времен до наших дней посвящена эта статья.

Введение

Слово эксперт мы слышим все чаще. К большинству значимых обсуждений, решений проблем и реализаций проектов привлекают экспертов. Круглые столы, передачи по телевидению и радио – отводят экспертам отдельное место. Начал формироваться прозрачный рынок экспертных услуг, появился глобальный рейтинг экспертно-аналитических центров, в который входят более 5000 организаций. Именно эксперты все больше питают сегодня рефлексивную среду инноваций и производства интеллектуальной собственности, являются заложниками совершенствования государственного и корпоративного менеджмента.

Эксперт – понятие многоликое. Им может быть ученый, за много лет овладевший закономерностями поведения некоторого феномена; экспертом может быть сотрудник, имеющий богатый практический опыт в определенной области деятельности. Экспертом может быть представитель властных структур, научных и образовательных учреждений, общественных объединений и других организаций. Пророк, целитель, гадалщик, знахарь, колдун, визирь, мудрец, дока, эксперт – испокон веков указывали на свет в конце тоннеля. Они видели целое в разорванном и чувствовали единство в толпе.

Об экспертах многое сказано, но еще больше сказать предстоит. Так, экспертом сейчас становится коллективный разум, этот разум перемещается в сетевое пространство, в сетевом пространстве создаются новые экспертные среды для ускорения синтеза нужных

решений и достижения желанных целей, формируется сетевая экспертиза [Губанов, 2011].

Не всегда человеку хватает сил справиться с трудностью, глупостью, коварством. Видно, чего-то уму не хватает. Этот вопрос извечно волновал человека, частенько попадающего в проблемные ситуации. Проблемы обычно сваливаются неожиданно на голову, а иногда человек придумывает проблемы себе сам, например, чтобы не «заржаветь». А ум на что? Он что, не может управлять сам собой, возвеличивать радость и растворять печаль, преобразовывать скуку и страх в любовь? Почему «от ума горе»?

Человек любит искать здравый смысл, но здравый смысл не всегда дает здравые идеи. Истинный смысл - дитё парадокса. Проникновение в смысл возбуждает желание действовать. Действия вызывают противодействие, создают на пути к следующему успеху препятствия.... Идя по тернистому пути, человек накапливает знания, чтобы ими воспользоваться в следующей проблемной ситуации. Но ситуации меняются, мы всегда другие. Иногда можно не нагонять, как раньше, технику, а победить лучше без боя, и перегнать – не догоняя. Умение извлечь из хаоса информации правильную идею – работа эксперта.

Генезис становления экспертной среды, экспертного феномена можно посмотреть в различных плоскостях. На этот раз акцент сделаем на плоскости знания, порождаемого человеческим интеллектом и не только.

Древность

Когда не видно «здорового» решения, человек обращался за советом к другому человеку, мудрецу, знатоку, целителю. Так было и десятки тысяч лет назад. «Птица вещая, птица мудрая, много знаешь ты, много ведаешь ... Ты скажи, Гамаюн, спой-поведай нам, отчего зачался весь белый свет? ...» - с древних времен славянские предания и народные книги трепетно и восхищенно славят знания.

Герои преданий, творя великие подвиги, самоотверженно добывали знания об источниках жизни: «Так узнал Велес Огненный все слова сокрытые. И не три тайных слова, три сотни слов, также тысячу заклинаний». Для суровой жизни того времени важны были заклинания, носителем которых были знахари. А заклинания те гласили о правилах поведения, создающих условия для выживания, например: «Вы не множьте страданий во имя зла! Чтобы не увидеть возмездия ...».

Пять тысяч лет назад традиция сохраняется. Доки чертят афористичной клинописью на глиняных табличках: «Не делай зла – не будешь в вечном страхе», «Следи же за совестью... презри богатства, спасай душу ...». Это первые знания, сохраненные с помощью только

что изобретенной письменности на Древнем Востоке. Появление письменности в конце IV века до н.э. для человечества по значимости соизмеримо в его жизни с покорением огня. Огонь оставил позади время дикости, а письменность дала человеку могущество знания, чтобы идти по дороге цивилизации.

Древние мудрецы выделяли и структурировали ведические знания. Современные интерпретации древних писаний феномен знания привязывают к сознанию. Так, выделяется четыре уровня сознания: слова, мысли, чувства, медитации. Уже в те времена выделяли несколько столпов знания. И, конечно, столп исходный – умение различать изменения. Все на свете меняется. Знание – это очень просто, это самое простое и доступное. А значит, оно трудно – потенциально оно доступно, а в динамике недоступно.

Знаниями мудрецы делились с другими людьми, леча болезни, помогая ладить с трудностями, решать проблемы, кормиться, выживать и радоваться.

Перелом эры

«Через муки, через боль Зевс ведет людей к уму, к разумению ведет» (*Эсхил*). Осуждая безрассудство как причину бед, зол и несчастий, утверждая непреложность идеи справедливости, видя причиной нарушения справедливости высокомерие, заносчивость, презрительную гордыню, Эсхил приходит к выводу, что разум, мысль, знания, есть величайшее благо. «Мудрость заключается только в одном: признать разум как то, что управляет ...» (*Гераклит*).

Вместе с тем уже в те времена было понятно, что трагедия знания, быть может, самая тяжелая и страшная, поскольку оно ввергает человека в пучину противоречий и духовных мучений: «О знанье, знанье! Тяжкая обуза, когда во вред ты знающим дано...» (*Софокл*). Прометей освободил людей от невежества, за что навлек на него гнев Зевса – ведь благодаря знанию часть божественной силы от богов передается людям. А там, где нет знания, начинается вера. Если знания несут доки и ученые, то веру – мудрецы. И те и другие - эксперты.

Так, какие знания привнес Будда, чтобы уменьшить страдания людей? Он увидел единство в хаосе жизни. В Буддизме центральным элементом знания являются «четыре благородные истины», связанные с четырьмя элементами человеческого существования: страданием, его причиной, возможностью прекращения страдания (целью), и, последнее - наличием целенаправленного пути избавления от страдания.

Кого можно считать основным прародителем экспертных сред сегодняшнего дня? Наверное, того, кто облагородил логику. Две с небольшим тысячи лет назад начало зарождаться логически точное

определение рационального в мышлении - то, что в конечном итоге породило современный компьютерный контекст. Начало это ассоциируется с Аристотелем. Именно он явно обозначил разграничение интуитивного и аналитического в мышлении. Из мыслей своих исторических предшественников он выделил, прежде всего, признак изменчивости природы (см. выше исходный ведический столп знаний). В изменениях он отделил материю от формы, абстрагировал форму от средств ее представления. Именно это позволяет сейчас моделировать, производить в компьютерах вычисления над формой, и, при этом, не забывать о реальности.

В своей «Логике» Аристотель заложил основы науки познания, эпистемологии – того, что только совсем недавно явно приобрело потребительскую ценность в виде методов системной динамики, познавательного (когнитивного) моделирования. Аристотель считал, что в основе знания лежит исследование мысли. Эта идея Аристотеля породила современную науку о смыслах и истинности знаковых систем - семиотику и герменевтику. Для подтверждения неудержимой практической силы аристотелевской логики достаточно вспомнить, что он был учителем Александра Македонского.

Потом был Ренессанс, были мудрецы (ученые, эксперты, архидоки) Маккиавели, Коперник, Галилей, Декарт, Ньютон, Лейбниц и др. Минуем эту эпоху. Перенесемся поближе к философии и затем нашему, компьютерному, времени.

Философия

Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель, Гуссерль – кто только не внес свою толику в копилку философии становления феномена знания, того, чем славятся эксперты! Так, Гегель отметил: «Сознание есть дух, как конкретное знание, и притом погрязшее во внешнем». Гегель определял знание в контексте таких понятий, как: сознание, дух, логика, формальное, мышление, цель, сущность, предмет, понятие и идея. Он отмечал, что формализация мысли допустима, но она не может быть безоговорочно распространена на мышление: «безбрежная формализация мысли рано или поздно приведет к мысли об исчезновении мысли». Преломляя процессы развития и познания через метод самодвижения понятий и самопреобразования духа, Гегель обосновал ограниченность рационального и эмпирического в процессах познания, ибо первое «превращает дух в мертвое, оторванное от своего собственного осуществления существо», второе же «умерщвляет дух тем, что разрывает его на множество самостоятельных сил ... Всякое сознание содержит в себе некоторое единство и некоторую разделенность и тем самым - противоречие».

Таким образом, действительность претендует в структуре мышления на определенную автономию, принципиально не имеющую полностью адекватного логического выражения. Замена же указанной автономии формальной моделью, запечатленным не каком-то носителем знанием создает, с одной стороны, иллюзию возможности представления процесса мышления наглядным и конструктивным, что и привлекает исследователей, а с другой стороны, эта замена делает реальный мыслительный процесс гносеологически вырожденным.

Предмет обладает определенной автономией и независимостью от языка его описания и представления, а также – мышления того человека или группы людей, которые хотят внести изменение в поведение предметной области. Предметом рассмотрения могут быть люди, камни, кони, страсть и иные явления. Наличие предмета предопределяет форму его представления, которая может появиться только в результате направленного рассмотрения предмета извне, выявления сущности. Сущность есть специфическая форма существования предмета, которая определяется феноменом видимости. Далее сущность включается сознанием в систему понятий, что происходит не обязательно рациональным образом. В области понятий формируются цели, а затем идеи по их реализации.

Эксперты, от которых требуют выражения здравого смысла, строят, говоря словами основоположника феноменологии Эдмунда Гуссерля, «мостик над пропастью смысла». Если следовать феноменологической традиции, допускающей чистое сознание не опосредованное предметным содержанием, то условно возможно установление четкой границы между идеальным и реальным. Вместе с тем при такого рода установках в экспертных исследованиях теряется связь компонентов процесса познания, не учтенной оказывается психика, влечения, эмоции, динамика событий.

Рефлексия

Гуссерль вводит метод феноменологической редукции, предлагающий совершение актов познавательного (когнитивного) полагания, а затем упорядочения их согласно логике практического опыта. Таким образом, предлагается совершать направленные на уже сделанные полагания акты рефлексии.

Сознание реализует двойную установку: при одной - познающее чувство достигает предмета исследования, как бы проходя сквозь его постижение; при другой установке – оно рефлексивирует само это постижение. При этом в качестве предмета постижения может быть некая мысль, эмоция, чувство, образ, символ - быть может, даже не привязанные к исследуемому предмету. Феноменологическая

установка, рефлексивная и выключая полагания, может обращаться к чистому сознанию, обретая при этом форму эмоционального переживания.

Рефлексивные аспекты управления развивает современная школа рефлексии [Лепский, 1998; Лефевр, 2003]. Она продвигает философскую традицию: от абстрактного к конкретному. Современные реалии делают рефлексивный подход все более прагматичным. Так, принципиальным становится формализация этики, принадлежность управляемого субъекта определенной этической категории, весомое значение приобретают методы построения стратегических субъектов, в том числе, применительно к сетевой среде.

Таким образом, если следовать философской риторике, эксперты действуют в пространстве следующей триады: исследуемых предметов (вещей), соответствующих им сущностей (языковая форма) и идеальных понятий.

Прагматизм

Эксперт исследует ситуацию, выделяет факторы, вводит гипотезы и находит источники. Благодаря этому повышается уверенность человека в правильности своих действий. В экспертизе вопрос об истине, соотношении проблемной ситуации и ее экспертного толкования всегда был и будет актуальным. Изучение конкретной пространственно-временной ситуации – на пике интереса такого философского направления, как прагматизм. Его яркими представителями можно считать Конта, Дьюи, Рорти.

Для прагматика, представителя этого направления, в действительности все хрупко, неустойчиво, случайно. Он изучает интерпретации, порождаемые многообразием ретроспективных контекстов. Приветствуется появление альтернативных версий толкования ситуаций, поощряется уклонение от дихотомии, типа: субъект и объект, хорошо и плохо. Для прагматика истина не обязательно лежит между крайностями, а скорее где-то в другом месте. Его ведущим утверждением является готовность принять любые изменения, с сатвическим спокойствием воспринять любую интерпретацию событий. Оригинальность он видит не столько в изумляющем всех результате (сильная сторона современного PR), сколько в размещении чего-то в иной контекст. Допускается наличие нескольких правильных решений.

Для прагматика, как ученого, принципиальна позиция перехода от теории к повествованию. Он не настаивает на необходимости научной методологии: наличие совокупности методов, проверка их практикой, методичный анализ и сопоставление различных мнений, формирование

критериев и пр. Зато он предельно внимательно относится к многоликости языка, стилям и форматам изложения, оригинальным ходам рассуждений и пр. Контекстность, пространственно-временной локализм, акцентирование внимания на конкретике событий – вот отличительные характеристики взглядов прагматика. Прагматизм отстраняется от канонов Платона, Канта, Гегеля, а скорее объединяет пост-ницшеанскую релятивистскую традицию в европейской философии с прагматистской традицией в философии американской.

Прагматисты утверждают, что многие вещи, которые многие считают найденными и открытыми, на самом деле являются сделанными и придуманными. Прагматисты не согласны с тем, что существуют некие «объективные» истины. Они стараются вообще уйти от различий, чтобы их нельзя было поймать в ловушку. Прагматисты даже стараются уйти от деления внешнего и внутреннего, т.е. того, что существует вне нас и внутри нас. Тем самым они загоняют в тупик теоретиков от менеджмента и математики, для которых, соответственно, определение границ корпоративной сферы и области определения функции являются принципиальным для успеха решения задач.

Прагматистам более присуще видение человека как стремящегося к выживанию существа от Дарвина. Язык, формулы – это инструмент – нужны не столько для того, чтобы отображать внешнюю среду, сколько, чтобы с ней взаимодействовать, коммуницировать.

Прагматисты рассматривают слова как узловые пункты в той общей сети причинно-следственных связей, которая охватывает природу и ее обитателей. Такой биологизирующий подход к языку и мышлению стал популярен благодаря Умберто Матураны. Этот подход позволяет отбросить представление о человеческом сознании как о некоем внутреннем пространстве. Матурана полагает, что человек более сложное существо, чем представляют его традиционалисты. Ему можно приписать верования и желания, которые никоим образом не вписываются в языковые конструкты сознания.

Для прагматиста важно не столько правильность суждений относительно некоторого явления, сколько – ради каких целей это суждение сделано. Верно или неверно отражена глаголом реальность, главное, чтобы этот «глагол жег сердца людей». Прагматисты считают, что при поиске истины важно не столько найти соответствие знаний реальности, сколько достижение консенсуса относительно тех целей, к которым следует стремиться, и тех средств, которыми следует пользоваться для достижения этих целей.

В экспертной деятельности важно, какой традиции придерживается эксперт, даже если этот эксперт и не знает о различии традиций. Это

вызвано тем, что страждущий должен понимать, каким образом эксперт представляет ему истину: либо это соответствие понятия реальности, либо это локальный консенсус группы, либо это и то и другое.

Формализмы

От экспертов требуют логики, эксперт же вынужден логику эту вырывать из хаоса, парадоксов, неопределенностей, нелогичности. В чем же загадка незыблемости логического, лингвистического, формального фетиша?

В четкую формальную интерпретацию аристотелевская логика переросла относительно недавно, благодаря: Фреге, Расселу, Геделю, Уайтхеду, Булю, Эшеру, Бэббиджу, Тарскому, фон Нейману, Пуанкаре, Брауэру, Гильберту, Гейтингу, Ершову, Арнольду, Тихонову и др. На основе построенной ими формальной интерпретации жизненных феноменов сейчас живут компьютеры, истинные помощники экспертов.

Правда, эксперты хотят заставить компьютеры решать нелогичные, или, как иногда говорят, немонотонные и некорректные, задачи, ведь в парадоксах они чаще всего находят оригинальные решения и искомые смыслы. Именно парадоксальные задачи вынуждают человека решать жизнь: «Бог создал целые числа, все остальное – творение человека» (Кроникер). Из логической правильности теории не вытекает существование предмета ее описания. Не все, что логично мыслится, пока еще реально. По всей видимости, истинность логики реальной жизни может быть только интуитивно обоснована.

В классической математике противоречие нежелательно, в жизни – естественно. Так, Анри Пуанкаре, исследовав логические парадоксы, создал концепцию построения вещей как одних сущностей из других сущностей. Его идея состояла в том, что противоречия в логике возникают из-за использования замкнутого круга определений. Для математики такое недопустимо. А если это недопустимо, то что делать математике, основанием которой является логика, в реальной жизни, в том числе - мыслительной?

Разделяя сомнения своих коллег относительно правильности представления формального рассуждения с помощью традиционной логики, Лейтцен Брауэр стал родоначальником математического интуиционизма - философско-математического течения, считающего интуицию единственным источником математики и главным критерием строгости и конструктивности ее формальных построений. Согласно интуиционизму, предметом исследования математики являются умственные построения, рассматриваемые как таковые. Есть «два акта» интуиционизма: первый обеспечивает интуитивное различие во времени вещей друг от друга (см. выше столпы ведического знания),

второй состоит в узнавании уже завершенной конструкции, если она повторяется. Такая итерация приводит к бесконечно развивающейся последовательности объектов - как продукт интуиции. По мнению Мартина Хайдеггера, а позднее Ханса Гадамера, в дополнение к этому, окружающий мир не может быть жестко отграничен от человека, поскольку он структурирован посредством его целей, обстоятельств и намерений. Знание, как конкретное, существуя в контексте понятия и предмета, более всего ассоциируется с поддающейся рационализации сущностью.

Экспертиза происходит в реальной жизни, где ситуацией правят единство, хаос и логика. Время и ресурсы на экспертизу, как правило, ограничены. В таких условиях именно формализмы могут создать необходимые (не всегда достаточные) условия для обеспечения устойчивой сходимости экспертных процессов к заданным целям. Для этого генерируемая в процессе экспертизы информация должна правильным образом структурироваться [Райков, 2009].

Таким образом, формализмы обуславливают взаимосвязи, на них можно опереться, их можно проверить, ими можно отчитаться и пр., но ими только частично, скорее всего, на треть, можно представить предмет исследования. Поэтому эксперты, ценимые за логичность, за формальным выражением экспертного результата прячут парадоксальную интуицию и невыразимое понимание целого.

Экспертсорсинг

Эксперт силен своими интеллектуальными способностями и эмоциональным настроением. Но эксперт в конкретной ситуации всего знать не может, а тем более чувствовать. Эксперт может чего-то не вспомнить, а вспомнив, не придать значения. Ему не дано знать нюансы работы и личной жизни заказчика, он работает в шорах своих методик, которых заказчик может и не понять, а не понимая – не всегда доверять.

Для улучшения качества экспертизы и выработки более надежных экспертных предложений сейчас используют техники групповой и сетевой экспертизы, а также интеллектуальные компьютерные технологии. Эксперты могут работать в территориально удаленных условиях, они могут друг друга не видеть, а только обмениваться сообщениями, они могут даже не спорить, чтобы «породить истину», но информационные технологии дополняют и преодолевают дефицит контакта. Для этого специальные компьютерные техники, именуемые квантовой семантикой, буквально предлагают нам следующий триптих:

- сначала осуществляют суперпозицию (наложение) высказываний экспертов друг на друга;

- затем осуществляют когерентный синтез – все вербализованные мысли специальным образом запутают и найдут резонанс;
- завершат процедуру интерференцией полученного результата с внешней средой.

Век информационного общества и прозрачности породил новое явление – «краудсорсинг» (от англ. слова *crowd*, толпа), который подключает открытое гражданское общество к решению государственных и корпоративных проблем. Иногда его называют гражданским участием, менеджментом ответственности, транспарентностью. Краудсорсинг, вслед за аутсорсингом, помогает лидерам оптимизировать менеджериальные процедуры, принимать сильные управленческие решения. Для этого используется сеть Интернет, специальные социальные технологии и методы модерации.

Но, как сказал один классик, демократия – самый худший способ правления, но лучшего еще никто не придумал. И это подтверждает история. Так, князь Кропоткин теоретически красиво и захватывающе описал порядок власти толпы, но на практике получился «порядок» бати Махно. По всей видимости, при развитии благородной и красивой идеи краудсорсинга не стоит забывать богатую предисторию.

Демократические процедуры нуждаются в облагораживании. На практике это может происходить через создание контролируемых «сверху» и весомых для «низа» элит. В глобальном обществе прослойкой между властью и обществом теоретически и практически выступают общественные организации, институт «принципалов». Последние выражают волю и представляют интересы определенных социальных и профессиональных групп людей. Особым видом принципалов можно считать и экспертов, которые наилучшим образом, в нужное время и в нужном месте выражают конкретно запрошенное знание или профессиональное мнение. Эксперты работают за определенное вознаграждение: либо материальное, которое стимулирует, либо нематериальное, которое мотивирует.

Экспертсорсинг – это организованное в сетевом обществе и в соответствии с действующим законодательством экспертное обеспечение государственной, муниципальной и корпоративной деятельности. Институт экспертсорсинга, с одной стороны, предоставляет экспертные услуги, а с другой – развивает свою организацию, ставит внутрикорпоративный менеджмент, совершенствует процессы лоббирования своих интересов и потребностей.

Если перефразировать еще одного известного классика, то можно относительно института экспертизы сказать: граждане сильны своей коллегиальностью, а эксперты – индивидуальностью. Поэтому, если

первым свойственно развитие «демократических» институтов, то вторым - «эксперткратических» – нет. Вместе с тем для повышения эффективности экспертной среды и экспертсорсинга всегда неотложными моментами будут: совершенствование методологии и инструментов, нормативного правового обеспечения, а также поиск стимулов и мотивов, определяющих востребованность экспертных услуг.

Литература

1. Губанов Д.А., Коргин Н.А., Новиков Д.А., Райков А.Н. Сетевая экспертиза. 2-е изд. / Под ред. чл.-к. РАН Д.А. Новикова, проф. А.Н. Райкова. – М.: Эгвес. 2011. – 166 с.
2. Лепский В.Е. Концепция субъектно-ориентированной компьютеризации управленческой деятельности. М.: Институт психологии РАН. 1998.
3. Лефевр В.А. Рефлексия. М.: «Когито-Центр». 2003. 495 с.
4. Райков А.Н. Конвергентное управление и поддержка решений. -М.: Издательство ИКАР. – 245 с.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Методологические основы организации саморазвивающихся инновационных сред», проект № 11-03-00787а